

Л. В. РАССКАЗОВА

ДУХОВНЫЙ МИКРОКОСМ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЛИЧНОСТЬ А. Н. РАДИЩЕВА

Постоянная и тесная связь А. Н. Радищева с провинциальной дворянской усадьбой: детство, проведенное в Немцове и Верхнем Аблязове, неоднократные приезды в Верхнее Аблязово, длительное проживание в Немцове делают излишними доказательства правомерности постановки заявленной темы. Однако нас интересует не отражение событий и действующих лиц усадебной жизни в биографии и творчестве писателя. Мы обратимся к духовному аспекту взаимосвязи писателя и обстановки его детства и зрелости.

Необходимо пояснить наше понимание духовного микрокосма русской провинциальной дворянской усадьбы.¹ Она является «определенной» моделью миропонимания своего владельца-дворянина, диктующей свои формы поведения. Между хозяином и усадьбой существует двусторонняя связь: как владелец определяет, обустроивает культурно-пространственную среду своей усадьбы, так и усадебный комплекс (архитектура господского дома, усадебной церкви и хозяйственных построек, наличие и планировка садов и парков, организация структур повседневности) и выраженный в нем духовный микрокосм оказывают влияние на живущих здесь людей. Духовная сущность усадьбы может представлять в разнообразных воплощениях: предметно-пространственном (здания, сады, планировка, бытовые предметы), социокультурном (взаимоотношения господ и дворовых, разных поколений семьи владельца и т. п.), вербально-художественном (произведения литературы, музыки, живописи, созданные в усадьбе). В этом случае творчество писателя может рассматриваться как одно из проявлений заложенной в усадьбе духовной сущности, духовного микрокосма. В таком аспекте мы и попытаемся рассмотреть влияние усадьбы на личность и творчество А. Н. Радищева.

Непосредственно помещичьей усадьбе посвящена работа писателя «Описание моего владения» (1801). Однако, справедливо замечает оста-

¹ См. *Рассказова Л. В.* Русская провинциальная среднедворянская усадьба как социокультурный феномен (на примере усадеб Пензенского края) Автореф. дис. канд. культурологии. Н. Новгород, 1999

вивший подробное исследование этого труда П. Г. Любомиров: «Уже данное заглавие намеренным перечнем разных возможных названий объекта „Описания“ (поместья, вотчины, деревни.— *Р Л*) и еще более прибавкой „или назови как хочешь“ заставляет думать, что замысел автора имел в виду не индивидуальное описание „своего“ имения, а типическую картину помещичьей деревни».² Он делает заключение: «Под нейтральным заглавием „Описание моего владения“ Радищев задумал <...> серьезную экономическую работу».³ И именно поэтому она находится вне темы нашего исследования.

Основное произведение, которому будет посвящена наша работа,— «Повесть о Филарете Милостивом» (1790), ибо ее действие происходит в усадьбе. Надо заметить, это произведение сравнительно мало привлекало внимание исследователей. Я. Л. Барсков убедительно доказал биографическую основу повести и использовал ее для реконструкции биографии писателя.⁴ В обстоятельной монографии Г. П. Макогоненко «Радищев и его время» имеется лишь отсылка к работе Я. Л. Барскова.⁵ Об обстановке греческого селения, «сходной с аблязовским имением», и образах родителей писателя, похожих на родителей Филарета, пишет в примечаниях к публикации повести в «Полном собрании сочинений» Радищева и А. В. Западов.⁶ Полагаем, отражение феномена усадьбы глубже, не только в конкретике образов и положений, фактов и событий.

Еще Я. Л. Барсков правильно заметил: «Деревня вскормила, вспоила Радищева и навсегда осталась ближе, милей его сердцу, чем город».⁷ Такой индивидуальной личностной ориентации Радищева способствовали сформировавшиеся в эпоху Просвещения общественные установки, закрепившие за городом и деревней разную мифологию. В общественном сознании город ассоциировался с долгом, службой, учебой, гражданской деятельностью. Усадьба же осознавалась как место чувствований, частной жизни, семьи, проявления индивидуальности и свободы владельца. Усадьба формируется и осознается как бы срединным явлением, объединенным с городом по признаку культуры и объединенным с деревней по признаку близости к природе, естественной жизни. Исследователь делает вывод о том, что «и город, и усадьба формируют соответствующую модель личности» в сознании современника: деревня — нравственно здорового, независимого в своем поведении, окруженного любящей семьей человека; город — испорченного пороками цивилизации, хотя и культур-

² Любомиров П. Г. Описание моего владения // А. Н. Радищев. Материалы и исследование. М., Л., 1936. С. 198.

³ Там же. С. 200.

⁴ Барсков Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность // Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М., Л., 1935. С. 17–170.

⁵ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. С. 506.

⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. В 3 т. М., Л., 1938–1952. Т. 1. С. 496–501. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте в скобках с указанием тома римскими цифрами и страницы арабскими. См. также Травников С. Н. Традиции агнографической литературы в повестях А. Н. Радищева // Литература Древней Руси. М., 1978. С. 74–84. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 237–242.

⁷ Барсков Я. Л. Указ. соч. С. 21.

ного, просвещенного, зависимого от служебной карьеры, прихотей начальника и общественного мнения, не свободного в поведении и проявлении чувств. Я. Л. Барсков резюмирует: «Итак, усадьбу окружал ореол душевного и физического благоденствия, устойчивого бытования, безопасности в самом широком смысле слова. Особенно отчетливо, и, конечно, в розовом свете, это рисовалось при взгляде из города».⁸ Радищеву в полной мере было свойственно такое мировосприятие, что ярко проявляется в речи крестницкого дворянина из «Путешествия из Петербурга в Москву», «alter ego» (Барсков) писателя Радищев указывает, что «несчастной предрассудок дворянского звания» и «пример общий» велит дворянским сыновьям идти в службу. Обращаясь к детям, крестницкий дворянин высказывает свой взгляд на воспитание: «Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого возшества, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит; что одеваетея не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того, что не умеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаєте быстро, что плаваете не утомляясь, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряды, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтесь, что вы скакать не умеете, как скоморохи. <...> Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты Царя природы, человека. В живописи вы найдете истинное услаждение, не токмо чувств, но и разума. Я вас научил музыке <...> ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою. <...> Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умеете, что щти и кашу сварите, или зажаренный вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности».⁹ Далее излагается содержание полученных его сыновьями знаний. Из этой речи видно, что нравственный идеал писателя — личность, сформированная усадебной жизнью. Причем ярко выделяется один из существенных признаков усадьбы — тесная связь с природой, с ее естественными законами. Заметим, что эта трактовка усадебной жизни в духе Руссо вполне укладывается в мифологию эпохи Просвещения.

Полагаем, индивидуально окрашенное, радищевское в этих рассуждениях — мотив ответственности человека за свое бытие. Человек должен полностью уметь содержать себя, ни от кого не зависеть и содержать тех, кто рядом с ним. Это расходится с руссоистско-карамзинским идеалом жизни на лоне природы и пользования ее дарами. Здесь не пользование, а практическая деятельность. В этом сказывается индивидуальная особенность личности писателя. А. Н. Радищев как тип личности, по справедливому утверждению Ю. М. Лотмана, являет собой яркий пример энциклопедиста, охватывающего своими знаниями все области науки в их

⁸ Евангулова О С Город и усадьба второй половины XVIII века глазами современников // Русский город М, 1984 Вып 7 С 186

⁹ Радищев А Н Путешествие из Петербурга в Москву М, Л, 1935 С 169–171 В дальнейшем «Путешествие » с указанием страницы

единстве, соединяющего науку с практикой, политикой и культурой и имеющего постоянное стремление, изучив, переделать мир.¹⁰ Жизнь Радищева полна постоянного практического делания. Даже находясь в Петропавловской крепости, в «Завещании детям», написанном после приговора к смертной казни, он дает чисто практические советы об уплате долгов, содержании дома, продаже недвижимости и т. п. Приехав в Илимск в приготовленный для него дом, он начинает хлопоты о строительстве более удобного, о сенокосах, огороде и проч. В Немцове, после ссылки, он опять же строит дом, занимается улучшением хозяйства и т. п. Он исследует тюнярский чернозем, обжигает гончарную посуду, прививает оспу, не говоря уже о научных занятиях, исторических, этнографических и экономических исследованиях Сибири.

Итак, нравственный идеал писателя — личность, воспитанная в усадьбе, — заявлен уже в «Путешествии». «Повесть о Филарете Милостивом» является логическим и закономерным развитием этих взглядов.

Прежде всего, почему именно житие Филарета Милостивого привлекло Радищева? Память его отмечается 1 декабря, а время заключения писателя в крепости — лето и начало осени. Тогда, как мы знаем, Радищеву разрешалось только духовное чтение, в частности Четьи-Минеи. Сам он в письме С. И. Шешковскому пишет: «Читая житие святого Филарета Милостивого, душа над тем паче прилепилася и вникла в его подвиги, что она соразмернее на подражание нашему слабому сложению» (III, 344). По нашему наблюдению, Филарет Милостивый — единственный начиная с летних месяцев святой, чья жизнь до обретения святости связана с владением хозяйством в сельской местности, т. е. с усадебной жизнью.¹¹ Это редчайший пример в житиях, чьи герои в подавляющем большинстве — священники, бедные проповедники, люди, с детства порвавшие с семьей и оставившие мир, воины, государственные служащие, богатые горожане.

Филарет в интерпретации Радищева — рачительный помещик-просветитель, исправляющий своей деятельностью пороки общественного устройства и конкретных людей. Необходимо заметить, что «золотой век» усадебной жизни в России приходится на конец XVIII века и связан с философией Просвещения. Одной из основополагающих его идей является мысль о творческой свободе человека и как следствие этого возможность устроить мир на основах разумности, сделать общество гармоничнее, совершеннее, руководствуясь рационально понятыми законами природы, естественного мира. Местом претворения этих утопических по своей сути идей становится усадьба. Она являет собой образ жизни и модель бытия, построенную дворянином по собственной воле и разумению. При этом

¹⁰ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). СПб., 1994. С. 259.

¹¹ О сословной принадлежности Филарета см.: Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. С. 32, 45–46, 64–65 (сноска). Этот вопрос возник среди исследователей, изучавших греческие подлинники «Жития Филарета Милостивого». В его русском переводе, которым пользовался и А. Н. Радищев, появилось упоминание о владении Филарета «селами», что и позволило исследователям, как и писателю, считать его помещиком-землевладельцем.

усадьба, действительно, создает особую среду, далекую от реалий феодального строя и крепостной крестьянской деревни. Это был старательно и сознательно созданный идеальный замкнутый мир.

Задачу писателя в «Повести о Филарете» мы понимаем именно как попытку показать, как можно выстроить в реальности модель поведения и жизни в согласии с Божьими заповедями. «Он силой вдавливал себя в нормы „философской жизни“, — замечает Ю. М. Лотман, — и одновременно силой воли и самовоспитания делал эту „философскую жизнь“ образом и программой жизни реальной». ¹² Так и житие Филарета он, по собственным словам, «предложил <...> несколько на образ нынешних мыслей», полагая, что не отступил «от истинного повествования нимало» и мечтая, «что оно может детям <...> быть на пользу» (III, 344). Рассмотрим, как это осуществилось.

Нетрудно заметить, что рисуемые Радищевым идеальные картины в филаретовой усадьбе — это повторение того, чему научил своих сыновей на практике крестницкий дворянин. Настойчиво повторяется один и тот же идеал — идеал, определяемый духовным влиянием усадьбы. Радищев, задумываясь над тем, какой совет дать детям на будущую жизнь, своего рода последнее напутствие (ведь он приговорен к смерти и далее не сможет оказывать на детей постоянное благотворное отцовское влияние), пытается соединить надмирное и мирское, представить в реальной жизни православный нравственный идеал. Полагаем, подтверждением, что мысли его развивались именно в этом направлении, служит известный факт заказа писателем тогда же в крепости иконы с надписью: «Блаженны изгнанные правды ради, ибо их есть царствие небесное». Это, безусловно, оправдание себя и попытка объяснить детям внутреннюю логику деятельности отца вопреки благоденствию собственных родных и близких. Несомненно, слова из «Филарета Милостивого» являются его оценкой своей деятельности и оправданием ее печального итога: «Поистине достоин тот к оному (лику праведных. — *Р. Л.*) причтен быть, кто, забывая даже свое благосостояние, старается ежечасно облегчать бедствия себе подобных» (I, 400).

Смысл оригинального жития Филарета Милостивого — утверждение необходимости веры в Божье произволение, в неоставление человека Богом. Житийному Филарету все дает Господь. Поэтому сам Филарет так легко расстается со всем добром. У Радищева Филарет — делатель, устроитель мира. Собственно житийных подвигов благотворения Филарета писатель как раз и не упоминает. ¹³ Однако никакого противопоставления житийному Филарету мы не наблюдаем.

Здесь необходимо раскрыть еще одно качество духовного микрокосма усадебной жизни — ее софийность. С точки зрения духовных основ, че-

¹² Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 269.

¹³ Милостивый Филарет раздал все нищим вплоть до последних волов, лошади, так что ему не на ком было пахать, коровы и теленка, так что семье его нечего было есть, и верхней единственной своей одежды и даже меры зерна, отданной ему другом, который узнал о его бедственном состоянии. Когда же он вновь по промыслу Божию стал благополучен, он устраивал у себя обеды для нищих и сам с семьей своей прислуживал им за столом.

ловеческая деятельность содержит два различных вектора, один обращен — к Богу, другой — к миру. «Обращенность к Богу,— формулируют исследователи этого вопроса,— дает непосредственно религиозное творчество — богослужение, храмовое искусство и внутреннее делание, то есть преодоление человеческого естества, дарующее связь с Господом. Обращенность к миру рождает науку, так называемое „светское“ искусство, социально-политическую и хозяйственную общественную практику».¹⁴ Таким образом, софийная природа русской усадьбы обнаруживает стихийную, т. е. не всегда осознаваемую самим владельцем усадьбы, религиозную основу — служение, внутреннее и внешнее домоустройство. Вот это софийное воплощение микрокосма усадьбы и «выслоилось», по нашему мнению, в повести Радищева. Причем в данном случае неважно, осознанно или неосознанно для писателя явилось это «отслоение».

Таким образом, житийный и радищевский Филарет — это явления одной духовной природы, одной ментальности, но разновекторные. Они ни в коей мере не должны и не могут быть противопоставляемы друг другу. Через них выразились разные воплощения (религиозное и мирское, но направленное тоже к Творцу) одной и той же духовной основы человеческого делания, творчества.

Радищев раскрывает в «Повести о Филарете Милостивом» как бы этапы и элементы формирования нравственного идеала, результат которого изложен крестиком дворянином. Необходимо заметить, что среде, формирующей человека с детства, писатель как последователь французских энциклопедистов придает важное, если не определяющее, значение. Ср. в «Повести о Филарете»: «Благому примеру навывкшая душа из детства укоренилась во благоделании» (I, 401). Так, повествуя в «Слове о Ломоносове» («Путешествие из Петербурга в Москву») о детстве русского гения, он не случайно останавливается на обстоятельствах его детства. Ломоносов рожден «от человека, который не мог дать ему воспитания, дабы посредством оного понятие его изострилось и украсилось полезными и приятными знаниями <...>. От воспитания в родительском доме он приял маловажное, но ключ учения, знание читать и писать, а от природы любопытство <...>. Сия тесная округа сведений, кои он мог приобрести на месте рождения своего, не могла усладить жаждущего духа...» (I. 380–381). Радищев как бы сравнивает с эталоном усадебного детства, которое могло дать все необходимое юноше для вступления в жизнь.¹⁵

Самым главным полагает писатель для этого периода жизни человека «начальное образование души», именно души, а не разума, так как разуму потребно время, чтобы «устроить в порядок» много понятий, «собранных посредством чувств» (I, 156). У провинциальной усадебной жизни

¹⁴ Долгополова С., Лаевская Э. Душа и Дом. Русская усадьба как выражение софийной культуры // Наше наследие. 1994. № 29–30. С. 150.

¹⁵ Без сомнения, здесь есть мотив автобиографический, как и в своеобразном лирическом отступлении того же «Слова о Ломоносове»: «...частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство Российского слова» (I, 382).

есть огромное в этом смысле преимущество — естественная жизнь на лоне природы, способствующая развитию чувств, а не только разума, в близком природном окружении и подчиняясь ее ритмам, в отличие от городской жизни.

С каким же духовным наследством прибывает Филарет в «училище любомудрия и словесности» — Афины? «Из *сельского своего пребывания* (курсив мой. — Л. Р.), в котором он был воспитан, Филарет к жертвеннику любомудрия принес незлобие, благонравие, кротость, навык человеколюбия и правила Христова Евангелия <...> Изустно же (отец его. — Л. Р.) наставлял его заповедям Христовым» (и далее перечисляются все «блаженства») (I, 401). Полагаем важным, не выходя из границ нашей темы, указать индивидуальную окраску итогов усадебного воспитания в этом фрагменте биографии Филарета. Этот автобиографический момент был неизвестен нашим предшественникам, предыдущим исследователям творчества писателя, а потому и не отмечен ими. Не просто «изустно» наставлял будущего писателя его отец, а с помощью фресок, украшавших родовую радищевскую церковь в Аблязове. Значение этого факта нельзя недооценивать. Именно не чтение (постижение разумом), а рассматривание сюжетов с пояснениями отца (постижение чувствами) — вот что западало в душу мальчика до отъезда его в Москву и обучения грамоте или параллельно с чтением текстов по книгам. «Сердце во мне обыкло предварять рассудок», — замечает сам о себе Радищев (III, 356). И здесь было первоначальное познание сердцем, а не только разумом. Не случайно поэтому далее замечает писатель о Филарете, что начав усердно учиться, «коль много он удивился нашед, что все ему преподаваемое было уже для него не новое, что все, что другие называли понятие, в нем было то чувство, которое он почитал в себе врожденным <...> Именовали мне Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже его ощущал в себе, и душа моя к нему прильпе» (I, 402).¹⁶

Наконец, обратимся к итогу такого воспитания, т. е. расцвету деятельности Филарета, как излагает его Радищев: «Распоряжая своим именем, Филарет купил многие села, земли, устроил сады и дом невеликолепной, но снабженной всем, что к нужде и спокойствию жития нашего потребно. Оставшиеся же деньги отдал в торг купцам тирским и александрийским <...> Плодоносные годы, *доброе хозяйство и рассматрительное земледелие* одаряли его обильнейшими жатвами. Честность, верность и щастие в торгу воздали ему сотичную мзду от употреблений капиталов...» (I, 410). (Курсив наш. — Л. Р.) Здесь нарисована все та же устроенная на основах разумной потребности усадебная жизнь, а не аскетизм, присущий жизни христианских праведников. Ведь житийный Филарет не расчетом приумножает богатства, чтобы отдать их нищим, а неразумно и нерасчетливо, вызывая даже упреки домашних, раздает все вплоть до последней одежды и меры зерна, которые ему самому дали как милостыню. Он разоря-

¹⁶ Вопрос о связи сюжетов фресковой росписи Преображенской церкви в Верхнем Аблязове с жизнью и творчеством писателя рассмотрен в нашей статье в сборнике «Живу в душе друзей моих», который готовит к печати Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области.

ется на подаянии, уповая на Божью помощь, а не приумножает богатства «рассмотрительным земледелием».

Очевидно, что созданный Радищевым образ определен его просветительскими идеями. Однако для писателя они были лишены абстрактности, умозрительной спекулятивности и были опосредованы конкретным обликом русской провинциальной усадьбы, проявлены через усадебный микрокосм. Таким образом, «Повесть о Филарете Милостивом» — это анализ и осмысление своего жизненного опыта через опыт религиозный, т. е. в новой сфере, но с теми же нравственными ориентирами и идеалами. Он рисует детям вполне реальный, физически осязаемый и выполнимый идеал и пример для жизни. И этот идеал идет из усадебного детства. В повести модель жизни в усадьбе предстает одним из возможных угодных Богу и им вознаграждаемых способов спасения, софийного делания, «соразмерным на подражание нашему слабому сложению». В том, что писателем взят сюжет жития Филарета Милостивого и распространен именно в такой плоскости, мы видим одно из проявлений духовного микрокосма русской провинциальной дворянской усадьбы.